

МОЯ ДЕВУШКА
УЕХАЛА

В БАРСЕЛОНУ

*и все, что от нее осталось -
этот дурацкий рассказ*

АЛЕКС ДУБАС

Моменты счастья

Алекс Дубас

**Моя девушка уехала в Барселону,
и все, что от нее осталось, –
этот дурацкий рассказ (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубас А.

Моя девушка уехала в Барселону, и все, что от нее осталось, – этот дурацкий рассказ (сборник) / А. Дубас — «АСТ», 2018 — (Моменты счастья)

ISBN 978-5-17-104283-7

«Я сижу на самой середине пешеходной улицы со спущенными штанами. Сижу на унитазе. На брови надвинута шляпа белого цвета. Читаю книгу. Это биография Гийома Аполлинера. Возле меня останавливаются прохожие, смеются и обсуждают. Показывают на меня пальцами. Кидают монетки и щелкают фотоаппаратами. Некоторые норовят сфотографироваться бесплатно. Я не обижаюсь. Я только строго смотрю на таких людей. Мне нельзя говорить. Ведь я – мим...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104283-7

© Дубас А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Моя девушка уехала в Барселону...	6
Правила аквастопа	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алекс Дубас

**Моя девушка уехала в Барселону, и все, что
от нее осталось, – этот дурацкий рассказ**

© Алекс Дубас, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Моя девушка уехала в Барселону...

...и все, что от нее осталось, – этот дурацкий рассказ

Я сижу на самой середине пешеходной улицы со спущенными штанами. Сижу на унитазах. На брови надвинута шляпа белого цвета. Читаю книгу. Это биография Гийома Аполлинера. Возле меня останавливаются прохожие, смеются и обсуждают. Показывают на меня пальцами. Кидают монетки и щелкают фотоаппаратами. Некоторые норовят сфотографироваться бесплатно. Я не обижаюсь. Я только строго смотрю на таких людей. Мне нельзя говорить. Ведь я – мим.

Главная улица Барселоны называется Рамбла. И нас таких на Рамбле много. За те месяцы, которые я здесь сижу, перезнакомился почти со всеми, кроме нескольких человек.

А с Джиджи даже подружился. Джиджи – единственный испанец среди нас. Он изображает кентавра. Смастерил из папье-маше лошадиное туловище и ноги коня. В передние, лошадиные, он вставляет свои, а задние набиты поролоном. Затем крепит ремнями круп лошади к своей спине и берет копые. Джиджи – золотой. А я – белый. Это здесь такая традиция: краситься краской и стоять неподвижно, будто памятник. А когда тебе кидают деньги, нужно оживать. Как-то реагировать, подмигивать, двигаться. Или танцевать, как Слава.

Слава – полька и фея. Сама малюсенькая, она надевает прозрачное пышное платье, увешанное яблоками, апельсинами и вишней. Слава красится в лазурные оттенки, а вот ягоды и фрукты у нее настоящие. Когда ей особенно нравится какой-то ребенок, она, танцуя, отрывает от себя что-нибудь и угощает малыша.

Но, конечно, у детей вызывают больший восторг Пират и Серебряный рыцарь. Они и стоят друг напротив друга. Эти двое ребят, они американцы, знают свое дело. Им не скучно. Когда на Рамбле мало прохожих, они могут перекурить и поболтать. Вот в такие технические моменты их и любят подлавливать туристы, щелкающие своими фотоаппаратами.

Еще у нас есть Пескадоро из Венесуэлы, который совсем не говорит по-английски. Он практически с нами не общается. Вечером забирает свои монеты и молча уходит. Пескадоро – вампир. Это самый простой перформанс. Мне кажется, что он даже костюм не готовит. Так и приходит в своем оборванном фраке. Только подкрашивает белым лицо. А красным рисует кровь под глазами и рот. Думаю, что он зарабатывает меньше всех. Я видел однажды Пескадоро в баре. Он молча пил в одиночестве чупито. Чупито – это такие маленькие шоты по двадцать пять грамм чего-то вкусенького и забористого. Я кивнул ему: «Ола, боэнос ночес!», а он даже не ответил. Может быть, и не узнал. Но, скорее всего, все же узнал. Потому что как-то он полчаса стоял напротив меня и смотрел – видно, запоминал детали костюма.

Еще на Рамбле есть Самая Толстая Женщина, Робот, Велосипедист-Скелет, Грустный Поэт, Американский солдат во Вьетнаме (коричневого цвета), Гораций и Чубака из «Звездных войн». И еще разные ребята, которые иногда появляются, но, как только решают свои вопросы, сразу исчезают.

Но самая яркая звезда Рамблы – это, конечно, я. Так уж вышло. Еще бы: не каждый день встретишь человека, читающего на унитазах. У меня очень сложный костюм. Его трудно было сделать, зато теперь каждый день я готовлюсь всего-то за десять минут. Рано утром, когда еще не жарко, мы с Джиджи выгружаем из багажника его минивэна наши принадлежности. У меня – это сборный постамент и сам унитаз с трубой, бачком, цепочкой и ручкой. Ерш и туалетная бумага. В хороший день уходит от четырех до пяти рулонов. Еще дома я крашу белой краской ноги от трусов до лодыжек и кисти рук. И уже на месте гримирую лицо и шею. Мой костюм и котелок выкрашены изначально и навечно. Обложки книг я крашу по мере чтения.

Самое неуклюжее – это, взобравшись на постамент, снять штаны и сесть. Но я наловчился, теперь управляюсь за три секунды.

Некоторые, я знаю, думают, что мы, мимы, почти нищие – на мелких монетках шикарно не проживешь. Это не так. В хорошие дни, бывает, можно заработать и пятьсот евро. Это намного больше, чем мне надо. Я сижу себе и читаю. Иногда поверх книги смотрю на людей. Они неизменно улыбаются. И почти всегда смеются. И мне это очень нравится. Вот кто-то кидает монетку. Я медленно поднимаю голову, будто прислушиваюсь. Кидают еще одну – я делаю вид, что тужусь. Мимикрирую. Мне помогают еще монеткой. Я облегченно вздыхаю и блаженно улыбаюсь. Монеты сыплются, как наливные капли весеннего дождя у меня на родине. Тогда я беру рулон бумаги, медленно отрываю по перфорации несколько клочков и делаю то, что делают все люди, – подтираюсь. В эти моменты порой мне кидают и купюры.

Хотя иногда туристы лукавят, и потом мне приходится отбирать деньги всевозможных стран с иероглифами или арабской вязью. И что мне прикажете с ними делать?

Мои соотечественники очень любят кидать рубли. Они не стоят ничего, а звенят в ведерке перед постаментом, как полноценные евро. Я не очень люблю земляков. Они громко обсуждают меня, думая, будто их никто не понимает, и скабрёзно шутят. Зато мне очень нравятся мусульманские женщины. Они ходят стайками, а при виде меня что-то оживленно щебечут друг другу и стыдливо хихикают. И еще они самые щедрые.

Пять с половиной месяцев назад я прилетел в Барселону в поисках Лены совершенно без денег. Я вообще первый раз оказался за границей, и мне повезло – дали визу сразу на полгода. Первые три недели я жил в дешевом хостеле в квартале Борно. Там в общем-то безопасно, но все же иногда лучше не ходить в одиночку ночью. Нет, у меня никогда не возникало проблем, но всегда, проходя по готическим лазейкам квартала, мимо курящих и попивающих пиво марокканцев, я весь собирался и подтягивался. Делал независимое и уверенное лицо. А они еще, как назло, замолкали и провожали меня тяжелым взглядом. Жутковато. Готика и марокканцы. Это как если смешать текилу с джином.

Зато жизнь там почти ничего и не стоила. Готовили мы в номере. Да и соседи постоянно менялись. В основном студенты из разных стран, всегда веселые и пьяные. И слушают ту же музыку, что и я. Мне все это очень нравилось. Я понял, что мир огромный, разный и свободный. Совсем не такой, как дома в телевизоре. На самом деле у него почти нет границ.

А потом деньги закончились, и пришлось туго. Я даже пару ночей ночевал на пляже и ел остатки курицы гриль на рынке Бокерия. Вечером, когда рынок уже закрывался, хозяин кафешки выкладывал на заднем дворе несколько целых кур. Сегодня их уже никто не купит, а завтра они будут никому не нужны. Кур ел не только я, но и местные собаки и голуби. Собаки были очень дружелюбные и приходили не каждый день. Но вот голуби! Голуби меня удивили. Они стайей терзали курицу, оставляя только косточки. А я до сих пор удивляюсь: как же так? Птица Пикассо. Символ мира! Make love, not war. Как они могут клевать себе подобных? Да еще в чесночном соусе.

То время у меня ассоциируется с одной женщиной. Это было ночью. Дожливой ночью, что вообще редкость для этих краев. Я крался домой, она стояла возле бара. Пьяная и беременная. На вид животу было месяцев восемь. Она запеленговала меня метров за тридцать. Из бара доносился рэп на арабском. Она что-то говорила мне по-каталански. Тащила за собой. Поймала мою руку. Схватила крепко. А потом приложила ее к своему животу. Я так и не знаю, что же она хотела от меня. Просто денег или денег за секс? Я помню только возню, зародыш боксировал ее изнутри, я ощущал его ладонью. Помнится, я тогда подумал: «А ведь это и есть сама Барселона. Вечно пьяная, невменяемая и на сносях».

А потом простоял возле дома полночи. Под теплым дождем.

Если бы не Джиджи, мне бы пришлось совсем нелегко.

Я облюбовал лавочку как раз напротив него. Вечерами, когда толпа рассасывалась и туристы отправлялись исследовать ночные радости Барселоны, кентавр Джиджи отстегивал свой круп. Собирал вещи, аккуратно ссыпал деньги в кожаный мешок и с удовольствием выкуривал сигарету. Так мы и познакомились. Поболтали в первый вечер, во второй, а потом я к нему и переехал. Он как-то проникся моей историей.

Джиджи из очень знаменитой каталонской семьи, в которой всегда повторяют: Catalonia – is not Spain. Но в семье он не живет и презирает ее традиции. А родные и близкие, в свою очередь, считают его неуклюжим искривлением благородной кости кабальеро, но все равно очень любят и говорят, что двери дома для него всегда открыты.

Джиджи – гей. И он несколько раз даже приставал ко мне. Но я как мог объяснил ему, что это будет лишним. Что я не могу. Он очень славный и искренний. Даже немного жаль, что я не смог ему ответить. Честно говоря, я пару раз пытался представить, как это я буду целовать Джиджи. Касаться его губами. Как он будет гладить меня и водить по спине рукой. Ничего не произошло. Я не возбудился. Мне не было неприятно. Мне было просто никак. Это не мое. И потом, ведь я люблю Лену.

Джиджи, хотя и все время повторяет, что от женщин ничего хорошего ждать не приходится, все равно мне помогает. Он рассказал про Дидье – французского хиппи, который и придумал этого человека с унитазом. Дидье радовал народ полгода, а потом уехал в еще более теплые края. Сейчас он иногда разговаривает с Джиджи по скайпу, и в окошечке на компьютере видно, как человек в наушниках с микрофончиком лежит в гамаке на фоне пальм и моря и передает приветы Барселоне. Так место человека с унитазом оказалось свободным, и Джиджи вспомнил детали костюма и нюансы персонажа. Более того, мы его существенно усовершенствовали. Так, например, у Дидье не было рулонов с бумагой. А у меня есть. Интересно, что придумает следующий парень? Тот же Пескадоро. Когда я уеду. А уеду я уже через две недели, когда закончится виза. За это время мне нужно найти Лену. И это обязательно произойдет. Не сомневаюсь.

«Но как мне ее искать?» – думал тогда я. Она уехала и не оставила ничего. Ни одного маячка, ни одной, как говорят детективы, зацепки. Лена такая.

Я полюбил ее в танце. Танцевать я в принципе не умею. Ну нет в моей программе такого файла. А тут друзья привели на ее праздник. Лена занималась тем, что устраивала вечеринки. Закрытые и не очень. Дорогие и не очень. Веселые и очень веселые. Постоянно придумывала что-то особенное. На свой день рождения она арендовала большую круглую кинопанораму. Это странное сооружение, оставшееся еще от Советского Союза. Там восемь кинопроекторов с гигантской ширины пленкой и старые документальные фильмы, которые транслируются на все пространство вокруг тебя. Самый свежий называется «Возьмите меня с собой, туристы». Он снят в 1987 году. Это все потому, что пришли новые технологии, и такое чудо стало никому не нужно. Как фотоаппараты «Полароид». Так вот, Лена арендовала эту панораму. Вокруг беззвучно открывали рты туристы возле костра с гитарами, а музыку играли диджеи, Ленины друзья. Их сменяли музыканты, тоже Ленины друзья. А потом артисты. У нее очень много друзей.

И еще она все время куда-то уходила и переодевалась. То в вечернее платье, то в блестящий костюм с синими погонами. А потом группа заиграла испанскую музыку, и Лена вдруг вышла в пышной цыганской юбке с веером. Она хватала попадающихся ей на глаза мужчин и танцевала с ними. Вот так я опрометчиво оказался на ее пути. Лена взяла меня за руку, потянула к себе, и я поплыл.

Я полетел.

Я начал танцевать!

И у меня это прекрасно получилось!

Это невероятно. Тела двигались синхронно, ловя малейшие нюансы ритма. Откуда у меня взялось это умение? Я вытанцовывал аккуратные шажки, ведя Лену вперед спиной, аккуратно и стремительно укладывал ее на свою ладонь, будто в лодочку, затем понимал руку вверх и кружил под ней девушку, как юлу. Я потом не раз смотрел эти кадры, слава Богу, кто-то снимал. Так вот, это был не я. Это был какой-то бразилец, с детства танцующий сальсу в своих фавелах. Наконец Лена вынырнула из нашего тандема и стала отбивать чечетку с веером возле какого-то банкира, который встал перед ней на колени и хлопал в такт, держа галстук в зубах.

Я стоял обескураженный и восхищенный. Что же еще может делать такая женщина, рядом с которой вдруг у мужчин все получается?

Если такая женщина рядом – мужчина становится в тысячу раз легче и в миллион раз сильнее.

Он вдруг взлетает на парашуте, спускается на сноуборде, ложится на иглы, совершает выгодные сделки, разжигает революции, заботится о детях, поднимает алые паруса на своей яхте, снимает свои лучшие фильмы, строит самые высокие дома, изобретает новые компьютерные программы, читает мысли, разбирается в винах и сигарах, забивает лучшие голы, побеждает быков на корриде, а соперников – на ринге.

Все это происходит только тогда, когда с тобой – она, настоящая женщина. Таких единицы. И если хоть однажды в жизни тебе повезло быть любимым такой женщиной, это значит только одно: ты жил. И жил по-настоящему. Теперь ты не имеешь никакого права жаловаться на судьбу. И еще это значит, что кому-то там, на небесах, ты очень понравился. Чем-то заслужил такой подарок. И эти небеса тебя поцеловали.

Лена любила меня одиннадцать с половиной месяцев и еще три дня. Чуть-чуть не хватило до года. А вместе мы были и того меньше. Она постоянно улетала. То в Америку, где устраивала какие-то пати. То в Лондон, то на разные острова. И у меня все так и было, как и должно быть с Музой. А именно:

Я совсем забросил институт, но с легкостью сдавал все зачеты.

Мы с другом начали маленький бизнес, связанный с Интернетом, и он неожиданно пошел.

Я записался на режиссерские курсы.

И еще я начал петь в душе.

Когда мужчина поет под водяными струями – у него все в порядке.

Вот только с моим загранпаспортом почему-то все затягивалось в МИДе, но я и не торопился. Я не хотел мешать Лене работать.

Ее мир мне очень нравился. В нем совершенно не было логики и какой-либо структуры. Одни лишь эмоции. И яркие друзья. Какие-то барабанщики из Судана, английский лорд, наследник империи печенья. Фотограф Матье, который обожал Москву и всегда останавливался у нас, когда приезжал. Сейчас у меня на стене висит сделанная им фотография. На ней маленькая темная девочка подбрасывает на берегу кальмара. Еще Лена дружит с дочкой президента Андорры. Ее зовут Ниэра, что переводится как «снег». Я несколько раз спрашивал Лену, где они познакомились. Любопытно ведь. Она всегда уклончиво отвечала: «На какой-то вечеринке во Франции».

Лена старше меня на пять лет. Но она никогда не называла меня «Мой мальчик» или там «Малыш». Наоборот, что мне очень нравилось, своим друзьям она всегда представляла меня: «Мой парень» или «Мой мужчина».

Иногда Лена добавляла: «Я не могу им надыхаться».

А еще она всегда воровала парфюм в магазинах дьюти-фри. («Чтобы не потерять сноровку».) Иногда она привозила одеколоны и для меня. Разноцветные и наполовину пустые пузырьки с разными запахами.

Ее мир мне нравился, но я старался не жить им. Мне просто было дивно наблюдать его. И наблюдать себя, ощущать свою силу и всемогущество. Я упивался этим чувством. И было особенно здорово, когда наши с Леной настроения совпадали.

Мы могли часами хулиганить в блогах в каком-нибудь интернет-сообществе. Устраивать там провокации.

Пересматривать один и тот же фильм.

Играть за разные команды в пейнтбол.

Читать по очереди вслух.

И, конечно, танцевать.

Если уж мы шли на вечеринку, где танцуют, например, рок-н-ролл, то уж готовились к ней будь-будь! Лена повязывала голову косынкой в горошек, надевала сарафан, кеды и огромные очки в пол-лица. Я как-то тоже напялил что-то смешное, но она, оценивающе оглядев меня, сказала, что мне точно не хватает джинсового пиджака. Мы тут же пошли в магазин, где и купили то, что нужно. Еще и нашейный платок в придачу. «Вот теперь – порядок», – сказала она, и мы танцевали до утра.

А потом она вдруг взяла и уехала. Так и сказала, что завтра улетает жить в Барселону. Что хочет солнца, что там хорошие условия для ее работы. И все это как ни в чем не бывало, своим обычным тоном. Я сначала и не поверил, мы даже в ту ночь занимались любовью. Но это было как-то особенно. Более подробно, чем всегда, что ли? Вот тогда я и понял, что она сейчас со мной прощается. Что она нисколько не шутила. Я сел на кровати и с ужасом спросил:

– Ты что, правда уезжаешь?

– Конечно.

– Я поеду с тобой.

Сказал это и уже знал, что она ответит.

А на следующий день, когда я вернулся домой, ее уже не было.

Она забрала всю себя, включая ватные палочки для чистки ушей.

Ни записки, ни нового номера телефона. На мои имейлы она не отвечала.

Вот я и приехал сюда.

Все это я рассказывал Джиджи на крыше его дома.

Он живет в районе Барселонета. Такое нежное название, как будто синьорита. Юная девушка. Хотя район один из самых старых в городе. Он так и остался рыбацким, каким всегда и был. Здесь много ресторанчиков, больших и маленьких, иногда даже всего на два столика. Все эти заведения семейные, и через какое-то время ты уже будто принадлежишь их фамилии. Прямо под нашим домом есть ресторан Cal Doka, его хозяин, Дока – смешной хрипчатый старикан. Бывший морской офицер. Его заведение как раз не семейное. Дока всю жизнь прожил один, о чем всегда с удовольствием рассказывает: «Баб нельзя подпускать к себе близко, Чико. Ближе, чем на толщину кожи». Дока сам нас обслуживает. А готовит его бывший кок. Иногда сюда приходит поиграть на раздолбанном корабельном пианино музыкант с вечно подбитым глазом.

Столько рыбы, как в эти дни, я не ел никогда.

С крыши Джиджи видны с одной стороны море и огни кораблей, а с другой стороны – столпы-пирамиды, овалы гостиниц и памятник Колумбу. А еще Джиджи обратил мое внимание на удивительное смешение не только картинки, но и звуков. Здесь очень грозно волнуется море, и одновременно со стороны города доносятся рев мотоциклов, крики болельщиков «Барсы» и ритмы барабанов и труб уличных оркестров.

Джиджи любит здесь перед сном подышать косячком. А я не очень. Но все же в тот, первый вечер покурил с ним. Мне нужно было выговориться. Так мы и лежали под звездами. Слушали дыхание Барселоны и рассказывали друг другу истории о любви. Он – о своей. А я – о Лене.

– И что, ты собираешься ее здесь найти?

– Да.

– Ну а если найдешь, что ты ей скажешь?

– Даже не знаю, Джиджи. Я точно приехал сюда не для того, чтобы ее вернуть. Не для того, чтобы спросить, почему она уехала. Хочу просто посмотреть на нее и поговорить. О чем получится. Я ведь не репетировал наш разговор. Пусть он будет таким, каким будет. Он нужен, я это чувствую.

– Это не я наркоман, а ты. Лена – это твоя травка. Тебе от нее хорошо. И ты хочешь повторять ее снова и снова.

– Не знаю. Уже прошло несколько месяцев с тех пор, как ее нет со мной. И я не то чтобы сильно страдаю. Я знал, что будет больно. Но не знал, что так терпимо. Честно говоря, я с первой же минуты знал, что с такой, как она, будущего быть не может. Поэтому, наверное, был готов. Она, как комета, освещает тебя на время и летит себе дальше. Я все это понимаю. Кроме одного. С кем я прожил почти год? Что это за человек? Из чего состоит то вино, которое я пил? Мне не хватает нескольких деталей... Кажется, Лена представляет собой не совсем то, что я себе придумал.

– Тогда тебе нужно на Рамблу. Там рано или поздно проходят все жители города. Давай ты будешь работать со мной. Там самый большой шанс увидеть ее.

Мы покурили еще и долго-долго лежали. Было тепло. Город уже поутих, а море, наоборот, разволновалось.

Джиджи признался, что часто представляет себя героем фантастического рассказа, который сам и придумал. Будто бы ему в руки попал секрет водородного топлива. Теперь от него зависит внедрение в жизнь революционного будущего. Когда человечеству больше не нужна будет нефть. И люди свои автомобили будут заправлять водой. Но, конечно, это приведет к катастрофе самые крупные компании мира. И тогда на него начнут охоту нефтяные магнаты Техаса. Русские разведчики. Иранские киллеры. Никому ведь не хочется лишаться власти.

– И вот тут, – говорит Джиджи, – начинается самое интересное. Я представляю, как прячусь в какой-нибудь маленькой спокойной стране. Тихо покупаю там незаметный заводик и начинаю производить... Еще не знаю что. У меня работают самые надежные люди, как у капитана Немо. Помнишь? Для его «Наутилуса» производили детали в разных уголках планеты. А собирал он подводную лодку в секретном месте именно с такими людьми.

– А откуда ты берешь деньги на производство?

– Их мне жертвуют богатые люди. Те, у кого нет наследников. Ну, знаешь, они находят меня сами секретными, странными путями. Они хотят поменять все к лучшему. И знают, что я с этим справлюсь. И вот обо мне все-таки узнают нефтебароны. Они уже рядом. И... дальше я еще не придумал. Мне вот пока больше интересно само производство.

– Знаешь, тогда тебе просто необходим мой замедлитель времени.

– А что это такое?

И я ему рассказал, что тоже часто фантазирую. У меня вдруг оказался замедлитель времени. Это такой приборчик с кнопкой. Нажимаешь на нее, и время останавливается для всех. Но не для тебя. Джиджи рассмеялся. Мы стали тут же вместе придумывать, как его использовать. Во-первых, можно было бы хорошенько высыпаться и ничего при этом не упускать. Еще у нас всегда бы были деньги. Мы их забирали бы, конечно, исключительно у отъявленных негодяев. Еще можно было бы подробно рассматривать девушек. («И парней!» – добавил Джиджи.) Мы бы предотвращали катастрофы и доставляли бы неожиданную радость хорошим людям. Смотрит девочка через витрину на куклу. Хлоп! А она уже у нее в руках. Или как в телестудии замершему диктору новостей меняем в прямом эфире текст.

Мы представили, как нас останавливает в Борно банда марокканских головорезов. Мы – раз! И замедляем время! И вот уже их, застывших, раздеваем догола. Разрисовываем нитроэ-

малью. Вместо ножей вставляем им в руки баклажаны. И поворачиваем друг к другу лицом. Раз – нажимаем кнопку опять! Мы с Джиджи корчимся от смеха, представляя все это, и я ему предлагаю свой прибор:

– Возьми его себе. Тебе он очень пригодится в борьбе с русскими разведчиками.

– Нет, – очень серьезно ответил Джиджи, – для одной истории двух фантастических изобретений слишком много.

Так мы и подружились.

Так я стал мимом.

Так с тех пор я каждый день, сидя на своем постаменте, всматривался в тысячи лиц, пытаюсь разглядеть среди них Ленино.

И сегодня это произошло.

Вокруг меня, как всегда, толпа прохожих. Фотографируют. Со вспышками и без.

Сначала я увидел даже не ее, а высокую азиатскую девушку. Невероятно красивую. Но не такой плавной розовато-голубоватой красотой, которая бывает на рисунках, изображающих гейш. А с очень современными чертами лица. На ней были джинсовые шорты и майка. Акулий зуб на кожаном шнурке поверх топика. Именно такие девушки мне и нравятся. Я думаю о том, что запросто мог бы ее полюбить. Она обнимает за талию. Лену?!

Точно, это она. Родная улыбка. Брови взлет. Волосы только немного состригла. Я еще помню запах ее духов и кожи. Девушки смотрят на меня и смеются, впрочем, как и все вокруг. В это время какой-то мужчина, подбадривая, посылает своего сынишку кинуть монетку в мое ведерко. Она звякает, и малыш испуганно бежит назад. Я, как обычно, приподнимаю котелок в знак благодарности. Узнала? Конечно же, нет. Она и предположить не может, что я могу быть здесь. Что же делать? Я действительно не репетировал нашу встречу. Ко мне направляется с монетой пятидесятилетняя женщина. Ее подруга приготовилась фотографировать. Еще немного, и Лена уйдет. Уйдет. Вот этот момент. Я его так ждал. Женщина приближается, глядя мне в глаза, как дети смотрят в глаза клоуну. Я прячу свои в книге. Гийом Аполлинер говорит мне:

Хочу тебя взнудать! И мне так часто снится,
Что триумфальная грохочет колесница
И что в мои стихи вцепился хваткий Рок,
Как в вожжи, свитые из лучших в мире строк.

Какой бред! При чем тут вообще колесница? Нет, он не помощник. Остановить ее:

– Лена!

Я впервые за свою карьеру поднимаюсь с унитаза. На секунду забываю, что брюки спущены, но потом их подтягиваю. Схожу с постамента. Лена ищуще, не понимая, осматривается вокруг. Ее спутница удивленно смотрит на нас. Зрители думают, что все так и должно быть. Я иду прямо к Лене. Беру ее за руку. Она.

Вот ради таких моментов, наверное, и стоит жить. Ты видишь все полудвижения глаз, губ, бровей. Видишь, как расширяются ноздри и сужаются зрачки, как непонимание переходит в удивление, а удивление в шок.

Правда, сейчас вышло чересчур.

Лена упала в обморок.

И еще в такие моменты я почему-то всегда возвращаюсь в прошлое. Это очень странно. То есть одновременно происходит вот что: я бегу с ней на руках к ближайшей аптеке, а представляю в этот миг нас с Леной в Москве, год назад. Будто мы попросили показать нам будущее. И вот мы сидим на диване и смотрим на эту картину.

По оживленной и явно заграничной улице бегу весь в белой краске и в котелке я, а на руках у меня Лена. Ее же руки колышутся, как спиннинги в руках нетерпеливых рыбаков. Вот бы мы удивились. Вот бы озадачились. Гадали бы, что да как.

Дальше – суета. Брызги воды на любимое лицо. Испуганная аптекарша. Нашатырь. Ленина подруга-азиатка яростно оттаскивает меня от нее, когда я расстегиваю на ней блузку. Джиджи отбирает ведро с моими деньгами у Пескадоро, который подсутился, пока меня не было. Кентавр дерется с Вампиром. Да уж, у кого-то будут самые лучшие фотографии из поездки в Испанию. Я отпаиваю Лену мятным чаем в кафе. Она успокаивается. Затягивается сигаретой. (Раньше она не курила.) И – слова-слова-слова. Много и ни о чем. Мы договариваемся встретиться вечером в ресторанчике у нашего дома.

* * *

Дока сегодня расстарался. Ведь у нас, его друзей – гости. Для нас освободили самый лучший столик. Пианист опять попал в какую-нибудь переделку. К синяку у него добавился еще и сломанный нос. Рядом с ним, на полу, бокал вина, и он играет что-то психоделическое. Узнается Шопен, но это какой-то неврастеничный Шопен, странный, дикий Шопен, Шопен в Афганистане, на Луне, Шопен, перебравший в Перу айяуаску.

Со стороны мы, наверное, выйдем двумя счастливыми парами. Джиджи сразу сошелся с Леной. У них оказалось огромное количество общих тем. Что странно, никогда ни с ним, ни с ней мы эти темы не поднимали.

Изуми оказалась не только красавицей, но и приятной, остроумной собеседницей. («Это – Изуми. Моя девушка. Я не могу ею надыхаться».) Я так и говорю, обращаясь ко всем:

– Со стороны мы, наверное, выйдем двумя счастливыми парами.

– У него удивительный дар – смотреть на все со стороны, – улыбаясь, поясняет Лена, чуть наклонившись к Изуми.

Дока принес поднос с тысячей маленьких зажаренных рыбешек. Подлил всем вина. Не забыл и про пианиста. Зайдя за спину девушек, вопросительно посмотрел на меня, кивнув на затылок Лены. «Она», – тоже кивком подтвердил я. Старик одобрительно подмигнул и ухмыльнулся, давая понять, что одобряет. Дескать, хороша. Видимо, и из его правил бывают исключения.

Джиджи увлеченно рассказывает об одном ночном клубе, куда все приходят в масках. И там еще курятся такие специальные благовония, от которых люди временно теряют разум и стыд. Я помогаю ему объяснить, где это.

– А ты хорошо изучил Барселону, – говорит мне Лена.

– Еще бы, я исходил ее вдоль и поперек в поисках тебя, а еще прочел все путеводители, сидя на горшке.

– А у нас, в Токио, – это уже говорит Изуми, – все городские туалеты прозрачные. Изнутри. А снаружи – тонированные стекла. Такие вот мы. Я потому оттуда и сбежала.

Лена нахмурилась. Пригласила меня прогуляться к морю. И очень вовремя, потому что к столику как раз подошли уличные музыканты. Именно этих я не люблю, потому что знаком с ними. Они – не настоящие. Просто неумелые пьяницы-бродяги, сейчас будут блять босанову, а потом кланчить деньги.

Мы идем по берегу. Лена – по песку, а я – по лодыжки в воде, неся в руках кеды.

– Что ты от меня хочешь? – спрашивает она.

Я не знаю, что ответить. В таких случаях надо доверять языку. Он вдруг выдает:

– Мне нужно тебя немного долюбить.

Она обогнала меня, зашла в море прямо в босоножках. Встала ко мне лицом, преграждая путь:

– Что ж. Долюбливай.

– Ты мне для этого больше не нужна, Лена.

– Ты такой хороший.

– Знаешь, сейчас ты говоришь мне вот эти слова: «Какой ты хороший», а я слышу – «Пошел на хрен».

– Поцелуй меня. Немедленно.

Это то, о чем я так долго мечтал. О чем скучал. О чем тосковал. О чем рыдал, вспоминая, как летал, когда она была рядом. Муза-Лена ушла, и мне, естественно, сразу стало плохо. Но здесь, в этом городе, я научился дышать без нее.

Я знаю, знаю наверняка: если сейчас это произойдет, то в следующий раз я уже не выкарабкаюсь.

Так что моим ответом было «нет».

Мы молча возвращались точно так же: я – по морю, она – по песку. Лена изменилась. Плохо выглядит. Она осунулась, но не похудела, а усохла. Острее стали черты лица. Такое ощущение, что нос стал больше. Неровно стриженные волосы, свалывшиеся в черные клочки. Что случилось с моей Леной? Ответ пришел незамедлительно. Она достала из сумочки пакетик. Там были кристаллики. Смочив палец слюной, она приклеила несколько штук к подушечке, а затем облизнула. Повторив эту процедуру еще раз, она протянула палец к моим губам:

– Лизни.

– Что это?

– Это – хорошо. Просто отлично. Я привезла его с Ибицы.

– Что же это такое?

– Ты не спрашивай. Ты попробуй. И через три минуты ты станешь принцем. И для себя, и для меня.

Мой ответ опять «нет». Мы молча и долго возвращаемся к Доке.

В этот раз путь обратно почему-то дольше, чем туда. Обычно же наоборот.

– Море теплое, Чико? – спрашивает меня старик.

– Как сны, которые тебе снились в юности, – смеясь, отвечает ему за меня Лена. Она заметно повеселела. Не удивлюсь, если она и вправду сейчас там, у себя внутри, принцесса.

Дока хрипато смеется. Я тоже, но мне неловко от собственных мыслей. Мне вдруг на секунду понравилось, что Лена не в лучшей форме. Глупая, предательская пульсация: «А мной-то она была о-го-го!» Но это только на мгновение. А потом я уже думал только о том, что же делать дальше? Как помочь ей? Как увезти домой, в Москву?

Джиджи и Изуми резвятся. Он сказал ей, что хочет, чтобы после смерти его съели. Разодрали и переварили плоть так, чтобы не осталось ничего. Изуми готова ему в этом помочь и предлагает варианты: «Гриль? Барбекю? Микроволновка?» Они смеются так, что очки Джиджи падают в сковородку с паэльей.

Он – да, очкарик. Но на работе обходится без них.

Кентавры ведь не носят очки.

Вечер заканчивается спокойно и совсем не нервно. Все передружились. Девчонки завтра уезжают в Кадакес, на море. Предлагают нам к ним присоединиться.

Они втроем объясняют мне, что Кадакес – это маленькая рыбацкая деревушка на самом севере, почти на границе с Францией. Что там фееричное сочетание: море и горы. Там белые дома с красной черепицей. Там родился и умер Сальвадор Дали. Там он полюбил свою Галу. Раз и навсегда. Там рисовал Шагал. Там творил Миро.

Дока объясняет проще: «Испанцы Кадакес либо любят, либо ненавидят. Как свеклу. Впрочем, сейчас там, наверное, хорошо, туристов совсем нет. Еще не сезон. Езжай, Чико».

Мой же друг отказывается под предлогом новой любви. Завтра на вечеринке играет его парень, диджей. Он не может этого пропустить. Потому что любит и потому что ревнует – мало ли что?

– Джиджи и диджей – по-моему, звучит, а? – хохочет он. – Но ты давай. Езжай непременно. Если есть на земле рай, то называется он Кадакес.

Я еще сомневаюсь, пока Изуми не шепчет мне на ухо:

– Поедем. Очень тебя прошу.

Может быть, мне отбить ее у Лены?

Всю дорогу в Кадакес девушки спали друг у друга на плече. Иногда я доставал им воду из рюкзака. Они были молчаливы, а если и говорили, то отрывочными фразами и невпопад.

Они спали и не видели прекрасные мудрые горы. Пастушьи тропинки. Всадников, разбивавших лагерь на склоне. Они не слышали, как автобус останавливался или даже пятился назад, чтобы пропустить встречные машинки на узком серпантине горного перевала. Они проспали момент, когда мы поднялись выше облаков, которым, видно, было лень забираться к самым макушкам Пиренеев.

Мы сняли большой двухкомнатный номер с видом на море. Девушки бросили свои вещи в спальне, я – в гостиной. Неловкости не было. Это произошло, как говорят юристы, по умолчанию. Внутри все белоснежное: мебель, занавески, гостиничная папка и даже телевизор. Отель почти пуст. И город тоже. Для туристов действительно пока еще не сезон. Мы гуляем по набережной. Везде – в ресторанчиках, тапас-барах, магазинах и даже в булочной висят фотографии отдохавших тут знаменитостей и старомодные афишки проходивших здесь джаз-фестивалей.

Курчавый мальчишка в оранжевой майке играет с камушками у волн. Неспешно курит на лавочке старый рыбак. В прибрежном ресторанчике тихо танцуют двое туристов. Слава господу, парень и девушка. Мимо проходит, похоже, деревенская сумасшедшая. На ней сарафан и зимние сапоги. На голове бант, в руке плетеная корзина. Ее движения угловаты и раскоординированы, как у пирата Джека-Воробья. Она шарахается от редко проезжающих мотороллеров и прохожих. Милосердный булочник подкарауливает ее и вручает ей пакет с теплым хлебом. Мы даже увидели зевающего полицейского. Он сидит в баре со стаканчиком чупито и скучающе слушает женщину. Та что-то громко ему рассказывает на каталанском, постоянно о чем-то спрашивая. «Си, си, си», – все время отвечает он.

Памятник Сальвадору Дали стоит на берегу. Мэтр направляет свой указательный бронзовый палец куда-то в недра земли, а кончики его закрученных усов смотрят на вершины гор. За ним шебуршит море, баюкающее синие лодки. Джиджи прав – здесь точно рай.

В ресторанчике мои девушки ожили. Свежий морской воздух проветрил им мозги, да и ночные кристаллы, похоже, давно растворились. Кристаллам же это свойственно. Хозяйка принесла нам огромную сковородку сардинок и графин домашнего вина. Изуми все фотографировала. Эта страсть, оказывается, свойственна даже самым стильным и утонченным японцам. Лена, похоже, пришла в себя. Я узнаю в ней ту Лену. Мою Лену. Елену Прекрасную. Я решаюсь на разговор. Может быть, сейчас она меня услышит. Говорю по-русски, чтобы Изуми не встревала.

– Поедем домой.

– Зачем ты меня об этом просишь?

– Я не спрашиваю. Я предлагаю тебе это. Поехали. Даже не ко мне, Лена. Просто домой. Тебе там будет легче. Там ты вернешься к самой себе.

– Что ты знаешь обо мне? У меня все хорошо, просто отлично.

– У тебя совсем не все хорошо, Лена, я же вижу. Ты болеешь. И там будет...

– Кто тебе это сказал?! – резко перебила меня она. Даже прикрикнула: – Ты тоже будешь нести эту чушь про зависимость и прочий бред про здравый смысл? Ты для этого приехал?

– Лена, раньше ты не падала в обморок. Ни от счастья, ни от стресса.

– Нет. Ноу. – Лена перешла на английский. Похоже, ей нужна поддержка Изуми. – Нет. Я жила, живу и буду жить так, как я захочу, милый. Буду жить, сколько дадут. И ничего упускать в этой жизни я не собираюсь.

Изуми взяла Ленину ладонь в свою. Она разряжает обстановку шуткой про испанцев и их кухню, а потом обращается ко мне через Лену.

– Хелен, а давай познакомим его с Оксаной? Она прекрасная девушка, и они понравятся друг другу.

– Точно! – подхватывает Лена и говорит уже мне: – Точно! Слушай, у нас есть клевая подруга с Украины. Знаешь, какая она? О-го-го! Какие борщи она готовит! Ты потеряешь ум! А красавица!

– И еще украинки – лучшие жены, – добавляет Изуми. – Даже лучше японок. Я знаю.

– Изуми, спасибо, – отвечаю ей, – но я не хочу жениться на борще.

Смеются все, включая хозяйку ресторана. Она, ничего не понимая, видела наш напряженный разговор. И теперь рада, что все успокоилось. Подливает нам вина. Может быть, его было и многовато, но зато мы как-то сблизились. Разговорились. И нам всем троим стало тепло друг от друга.

Пошатываясь, с бутылкой вина мы направлялись к гостинице. И по дороге окликнули парня: судя по одежде – наш человек. Он рассказал нам, что здесь неподалеку еще с семидесятых есть небольшая колония хиппи. И сегодня они устраивают вечеринку, прямо вон в том кафе. Мы условились встретиться. Изуми пошла в номер принять ванну. А мы остались на берегу. С Леной и вином. Она закуталась в мою куртку, как бывало раньше. Наверное, именно так сидят ангелы там, на облаках, и неспешно разговаривают, никуда не спеша, так, как мы сидим сейчас с Леной, слушая прибор.

– Расскажи мне обо мне, милый.

– О тебе? Ты – чудесна. Ты очень много дала мне, сама, может быть, того не желая. Ты просто была рядом, а я смотрел на тебя и парил. Ты есть, и все хорошо. Вот сейчас у меня не было бы этих скал, волн и этого покоя, если бы не было тебя...

– Это ты рассказываешь о себе. Ты расскажи мне обо мне.

– Хорошо, слушай. Но тебе будет больно. Для меня ты именно такая, как я рассказал. Для других, для Изуми ты, я уверен, тоже муза. Наверное, это твоя работа, не знаю. Во всяком случае, у тебя это лучше всего получается – вдохновлять. Но что вдохновляет тебя, Лена? Ты каждый раз придумываешь себе новую жизнь. Потому что каждый раз ты как бы живешь заново. И в этих своих новых жизнях ты ищешь безнаказанности. И каждая новая отменяет и поглощает предыдущую, как черные карлики Вселенной сжирают галактики без остатка. Оставляя тебе только ощущение пространства. Но это пространство – лишь видимость того, что в него можно проникнуть.

Я встал с песка только для того, чтобы вновь сесть перед ней на колени. Теперь мы смотрели глаза в глаза, едва не касаясь ресницами. К двум из них у нее прицепилась слезинка. Я обнял ее:

– Твой мир, Лена. Твой мир желаний, побед и поражений. Радости и отчаяния. Он заставляет тебя разрываться между разумом и безумием. И этот мир бесконечен. Он неотвратимо заставляет тебя вновь и вновь бросаться в бездну, то есть в новое приключение. Ты ничего не производишь, кроме самой себя.

По ее телу прошли судороги. Она, уже не сдерживаясь, редела в голос. Но мне нужно было закончить:

– Только так ты можешь жить. Потому что это единственное условие твоего существования. Но ты устала. Тебе уже трудно начинать каждый новый раз. Ты хочешь остановиться, но это, увы, невозможно. Как невозможно перестать дышать. Ты живешь, чтобы забывать. И ты умираешь, Лена. Умираешь оттого, что не умираешь.

Теперь Лена рыдала у меня на груди. Сейчас она была маленькой – маленькой девочкой, которая, быть может, впервые услышала, а главное, осознала, что есть смерть. Что привычный мир вдруг может перестать быть таким, а тоска – такой осязаемой. Так мы и сидели на песке, она – комочком вжавшись в меня, а я – глядя и целуя ее волосы. Не знаю, сколько прошло времени. Лена уже не плакала. Только всхлипывание, крики чаек и чуть слышная музыка вдалеке нарушали тишину. Она подняла ко мне заплаканное лицо и произнесла:

– Ты знаешь обо мне слишком много... Теперь мне придется тебя... любить...

Я не сразу осознал юмор этой фразы. С удивлением посмотрел на Лену. Она улыбалась сквозь слезы. Она неисправима. И, боже, как она прекрасна!

Хорошо, что как раз вышла Изуми, и мне не пришлось отвечать на этот вопрос.

Мы побрели на звуки музыки. Я – впереди, девушки – чуть сзади. Было слышно, как японка успокаивает Лену. У входа в клуб стоял совершенно голый человек. Это узнавалось не сразу. Татуировки, изображающие трусы и майку, обманывали зрение. Мужчина лет сорока с длинными волосами и совершенно пьяными глазами приветливо махнул нам рукой, приглашая внутрь. Там уже вовсю танцевали. Человек тридцать ночных жителей, сползшихся из всех ущелий и горных расселин Кадакеса. Играл старый рок. «Кьюр». Ранний «Ю ТУ», «ИНЕК-СЕС» и еще какие-то группы, чьи названия я уже давно и безнадежно забыл. Я пошел к стойке заказывать всем напитки, а девушки – в туалет.

Рома бармен не жалел. Через полчаса я мог смотреть на себя, подергивающегося и похлопывающего в такт по коленке, уже со стороны. Татуированный парень рассказывал что-то об их коммуне, а Изуми с Леной кружили вокруг двух ошалевших туристок. Мои спутницы в танце изображали мачо, соблазняющих девиц. И надо сказать, это у них здорово получалось.

В какой-то момент ко мне подбежала Лена и, отхлебнув из моего бокала и достав оттуда кусочки льда, засунула их себе за воротник.

– Люблю англичанок! Они просто безумны! У них нет кнопки «Стоп»! – прокричала она мне сквозь музыку и побежала обратно.

Это были последние слова, которые я слышал от нее.

А тем временем прямо передо мной танцевала женщина. Из-за волос, прилипших к ее лицу, я не сразу узнал в ней ту самую сегодняшнюю сумасшедшую. Она двигалась так красиво и органично, как не получалось даже у самой Лены. Такого красивого тела, такой грации, такой пластичности я, пожалуй, не видел никогда. И эта красота пронзительно контрастировала с ее обезображенным лицом. Испитым, истерзанным морщинами и шрамами лицом. Этим высохшим лицом Мика Джаггера, каждую морщинку которого еженощно шлифуют морские ветра. На вид ей было не меньше шестидесяти.

Она танцевала со своими призраками. Разговаривала с ними, шаманила, отмахивалась и манила. Я решил стать одним из них и присоединился к ней.

И чудо произошло повторно. Я опять здорово двигался. Я – танцевал!

Эта женщина обладает таким же даром!

Все разъяснил татуированный, когда я в очередной раз подошел к бару:

– Это Мария. Она последняя любовь, последняя натурщица Дали. Он рисовал ее перед смертью. Ей тогда было семнадцать лет. С тех пор и живет здесь.

Мария говорит невнятно. А если говорит о себе, то в третьем лице: «Они хотят рома», «Они пошли танцевать», «Им холодно». Но это только то, что можно разобрать. В основном ее речь – причудливая смесь звуков. Такие можно услышать в акватории, рядом с вольером, где плещутся только что родившиеся дельфины. Так кричат совы. Так плачут гиены. Так скулят лайки и смеются стрижи.

Мария подошла ко мне и показала на бокал. Пока бармен нес ей напиток, она целовала мою руку. Водила по ней пальцем и что-то рассказывала. Что-то понятное ей одной. Она

выпила вторую, третью рюмку. Еще танцевала. Иногда я к ней присоединялся. Лена, Изуми и англичанки все время ходили в туалет.

Потом я услышал от Марии: «Они хотят домой». Она сказала это и чуть не упала. Если бы я не стоял рядом, это бы произошло. Она схватила меня за руку, цепко, как ребенок хватается за взрослого, испытывая страх, и опять поцеловала запястье.

– Я тебя провожу, Мария.

Была уже глубокая ночь. В городке никого, кроме котов. Почему-то здесь они собираются колониями, как хиппи. И так и сидят себе под луной, на теплой черепице. Мария уверенно вела меня, я надеялся, что в сторону своего дома. Она бормотала на одном ей понятном языке, и то ли смеялась, то ли огорчалась. Но в ее рассказе были какая-то интонационная логика и даже интрига. Иногда она вопросительно заглядывала мне в глаза, я одобрительно кивал.

Я шел и представлял (опять эта моя привычка смотреть на все чужими глазами) своего отца. Что бы он сейчас подумал, увидев меня, идущего пошатываясь в ночи с его ровесницей? Сумасшедшей женщиной. Как же я несправедлив к нему. Одна открытка и два СМС-сообщения за полгода. Что ему остается? Надеяться и молиться, чтобы со мной все было хорошо.

Мы пришли. Дверь ее одноэтажного домишки не заперта. То ли местная традиция, то ли у Марии совсем нечем поживиться. Я не хочу это проверять и жестами прощаюсь с ней. Она скулит, мотает головой и тащит меня через порог внутрь. Вздыхая, иду.

И я уже хочу здесь остаться. Потому что редко выпадает шанс увидеть скрытое безумие наяву. Это отвратительно и это завораживает. Кукольными рубашечками и штанишками украшены кактусы и другие неизвестные мне шипастые цветы. На их иглы нанизаны марки и конфетные фантики. Пол залит разноцветным воском в несколько слоев. В воск вдавлены белье, камни, перья. На железной кровати кроме миллиарда подушек валяется лейка. Из нее просыпалась какая-то крупа. То, что, видимо, когда-то было богатой коллекцией жуков, разорено и разбросано. Потому что большие высохшие жуки с иголками в спине находятся там и тут. На занавесках, на столе, в воске. Они плавают в ржавой раковине, из которой почему-то не уходит вода. В другой комнате вещи Марии и просто вещи, кастрюли, гитара, сапоги, платья перемешаны с макулатурой и высохшими растениями. Хозяйка бросается к этой куче, которая доходит до подоконника, и копается в кипе бумаг и бумажек: газетных вырезках, репродукциях, обертках от продуктов, бутылочных наклейках, открытках. Наконец она достает вырванный из журнала лист и со счастливым видом протягивает мне. На бумаге много текста на испанском, номер страницы 32 и черно-белая фотография: уже покрытый пигментными пятнами Мэтр рисует девушку. Она, почти ребенок, позирует обнаженной и испуганно смотрит в камеру.

– Они. Они! – тычет пальцем Мария то себе в грудь, то в фотографию.

Я очень зол. Эти долбаные гении! Какого черта они калечат юные, еще неокрепшие организмы своим талантом! Кто позволил им так сразу умирать, оставляя после себя музеи и переломанные судьбы? В галереях не выставляются их самые страшные творения. Одушевленные творения, получившие бессмертие на их холстах, но так и не пожившие собственной жизнью. Те, которые бродят призраками, тенями мимо бронзовых постаментов своих пигмалионов и очарованных туристов.

Мария забирается прямо в одежде на свои подушки, откуда-то из их недр достает полбутылки чего-то и жестами и звуками призывает меня. Я выключаю свет и сажусь на пол рядом с кроватью.

Злость сменяется жалостью. К Марии и к себе. Я чувствую ее пальцы в своих волосах. Она гладит меня. Неожиданно напоминает о себе телефон. Кто бы это мог быть? Так поздно или уже так рано? На секунду синий свет экрана освещает комнатенку. Это Джиджи. Он плачет.

– Все кончено, друг. Мы расстались! Это так больно, друг. Я приеду к тебе.

– Не надо, Джиджи. Я скоро приеду сам. Завтра. Завтра я буду в Барселоне.

Больше сдерживаться у меня нет сил, и я отпускаю слезы. Они торят ручейки по моим щекам. Я не плакал много-много лет, с тех пор как умерла мама. А сейчас это просто необходимо. Я плачу, как Лена пять часов назад. Как плачет сейчас мой лучший друг за много километров отсюда, сидящий с такой же светящейся дощечкой на крыше своего дома. Я плачу просто так. Обо всем и ни о чем. Мария теребит мои волосы и поет песню. Это звуки. И в них переливается вся моя жизнь. Тело знобит, а в голове жар. И я уже не понимаю, чьи руки треплют меня. И мысли, мысли, мысли – я их вижу, мысли о том, что пора восстанавливаться в институте и влюбиться. Спокойно и надолго. Съездить с папой в деревню. «Домой, домой, – говорю я вслух. – Домой. Домой. Все. Хватит».

Из выпавшей трубки слышен голос Джиджи.

– Что ты там говоришь? Я не понимаю. Ты говоришь по-русски? Кто это там у тебя поет?

– Лена. Это поет Лена.

Уже светало, когда я незаметно для себя уснул на пару часов. А разбудила меня возня у порога. Пока я встал, сбрызнул лицо у раковины с жуками и вышел, никого уже не было. Лишь две бутылки с молоком стояли у двери. Мария спала, безмятежно и сладко. Кто-то во сне разговаривал с ней о чем-то приятном. Ее рука лежала на одеяле раскрытой ладонью вверх. Хочешь – наливай туда росы. Хочешь – целуй. Я склонился и поцеловал.

По дороге в отель я думал о том, что как все же здорово, что Мария живет именно здесь, где ее все оберегают и заботятся о ней. Здесь, в этом мирке у теплого моря, защищенная горами от больших городов. Здесь, где можно ночами танцевать свой вечный танец, не замечая смены времен года.

В нашем номере человек пятнадцать. Я сужу по количеству перемешанной возле двери обуви гостей. Все в сигаретном дыму и бутылках. На моей кровати кто-то спит с открытыми глазами. В кресле тоже. Дверь в спальню прикрыта. Оттуда бьет и сверлит ритмичная музыка. Я вытаскиваю свой так и не распакованный рюкзак из-под головы человека. Он не реагирует, медитируя на точку на потолке. Разворачиваюсь и выхожу.

Умываюсь в море, и сразу становится свежо и легко. Иду медленно, зная, что автобус еще не скоро. Городок уже живет своей жизнью. Глаза – будто объективы, запоминающие малейшие подробности и цвета. У пары лодок рыбаки копошатся со снастями. Кто-то седой и дородный читает на лавочке газету, покачивая головой новостям.

Я остановился возле детского садика. Эта картинка заворожила меня.

Из двери прямо к берегу моря пулей вылетает карапуз лет пяти в длинной серой рубашке до колен. За ним еще один. Потом девочка. Секунда – и еще мальчонка. Теперь их семеро, они все одинаково одеты. Из-под льняных рубашек выглядывают ножки-сардельки. Стоят спиной к морю. Вопят и смеются. Появляется воспитательница. Она привлекает внимание детей и произносит:

– Уно, – поднимает руки на уровне плеч.

– Дос, – поднимает их над головой.

– Дос, – вразнойой повторяют дети.

– Трэс, – воспитательница вытягивает руки перед собой.

– Куатро, – опускает руки.

Уно. Дос. Трэс. Куатро. Уно. Дос. Трэс. Куатро.

Я не понимаю, почему я это делаю. Но я делаю зарядку вместе с малышами.

И я сейчас счастлив, как никогда.

Я опять смотрю на себя со стороны.

Парень – рот до ушей.

Стоит рядом с малышкой и повторяет вместе с ними движения и слова.

Уно. Дос. Трэс. Куатро.

Уно. Дос. Трэс. Куатро.

Правила аквастопа

Повесть

Для онанизма по-прежнему нужен хотя бы один человек. Для любви – хотя бы двое. Но достаточно ли просто мужчины и женщины, чтобы возникла любовь?

Она порезала вены кухонным ножом. Тем, который предназначен для хлеба. Такой туповатый и с зазубринами, чтобы не было крошек. Да ладно, не пугайтесь – она жива и здорова, где-то даже процветает. В чем вы убедитесь через пару абзацев.

А дело было так: субботний солнечный денек. Мы собираемся на концерт группы «Плассибо». Маленький частный концертик. Я выхожу из подсобной комнаты в костюме. Она еще в халате.

– Почему ты надел костюм?

– Ну мы же идем на концерт.

– Да, но почему костюм?

– Ну... потому что это мой любимый костюм. Да.

– Но ты же знаешь, что все мои платья в химчистке. Знаешь?

– Не уверен... Да что тут такого? Надень что-нибудь.

– То есть Ты будешь в костюме! А Я буду как ЧМО, да? Ты специально так придумал!

Я ничего не придумывал. Я просто надел костюм.

Господи, ну что же будет дальше? У меня опускаются руки.

Неделю назад она разогнала в своем старом синем «Опеле» и врезалась в дерево. Благо скорость была небольшая, и молодой клен не пострадал. Так – поцарапался. И помнить это происшествие он будет вряд ли долго. Деревья не люди, живут дольше, забывают быстрее. Справа от нее сидел я. Она решила покончить с нами обоими сразу. Потому что я ее не люблю. Так она считает. Дальше – милиция. Протоколы. Истерика.

Вечером – настойка валерианы, объятия и мои заверения, что – Люблю. Люблю. Люблю.

И вот теперь этот костюм. Я решаюсь.

Говорю, что пойду в том, во что уже одет.

Она говорит, что не пойду.

– Пойду.

– Не пойдешь, ты хочешь унижить меня.

– Не хочу. И пойду.

– Я сказала, не пойдешь.

Она хватает нож и зазубринами рвет себе запястье.

Это выглядит именно так, как показывают в кино. Тысячи микроскопических точек орошают стены. Как будто кто-то брызгает на их желтизну из пульверизатора пурпурной краской. Капли узорами покрывают диван, мой костюм, белую вазу. В вазе цветы. Красные тюльпаны. На них кровь почти незаметна.

Когда я их покупал, то спросил у продавщицы о том, что, наверное, за ней трудно ухаживать.

– Почему? – спросила девушка с именным бейджиком «Роза».

– Потому что, наверное, вам невозможно дарить цветы. Вы сразу подсознательно начнете их оценивать: «Так, Голландия, завоз двухнедельной давности. Простоят еще три дня. Оптовая стоимость...» Ну и так далее... Разве нет?

– Ну, конечно же, нет! – соврав, засмеялась Роза. – Конечно же, нет.

Кровь настоящая от киношной отличается запахом. Так же, как и цветы, впрочем. У крови запах сладкий. Пьянящий. Спросите у любого румынского вампира.

Вызвал «Скорую помощь». Медсестра подробно наложила жгут ей на руку. Мы поехали в больницу. Я первый раз в жизни находился внутри машины «Скорой помощи». Машина сиренила, а я представлял, как над нами мигает фиолетовый фонарь. Прохожие на секунду задумываются, а потом отмахиваются и забывают. «Мemento мори» сейчас не работает. О смерти помнят только те, кто скоро умрет. Вот тебе и сходили на концерт. Отличный выдался вечерок!

Я ждал ее у операционной и смотрел на пьяницу, лежащего на носилках и разговаривающего вслух со своими видениями.

А дальше опять валериана, объятия и мои заверения, что Люблю. Люблю. Люблю!

Через несколько дней она более-менее пришла в себя, и я сбежал в Турцию.

Подвернулась недорогая путевка. Я взял плавки, зубную щетку и сел в самолет. Это было мое первое путешествие без нее.

У города конфетное название – Мармарис.

Там я делал вот что: валялся на пляже и наблюдал закаты в кафе «Белый дельфин». Главное открытие того времени: как, оказывается, здорово быть одному! Не просто побродить пару часов в одиночестве по лесу, а одному и долго. Ты открываешь в своем лице удивительного собеседника.

Такого до боли близкого и такого противоречивого.

Да, по знаку зодиака я – Близнец, а что?

Мне понравился один эксперимент, который спонтанно произошел во время лекции по структуре ДНК.

Лекция была публичной и проходила в университете. Профессор-лектор сразу сказал, что здесь собрались взрослые люди, и, как он надеется, все в аудитории понимают, что ни о какой мистике или божественной случайности мы говорить не будем. Тогда один из слушателей вмешался и попросил поднять руку тех, кто знает свою группу крови. Подняло около половины слушателей. Потом он попросил поднять руку тех, кто знает свой знак зодиака. Сто процентов. Вот так вот.

А вы говорите: ДНК, УЗИ, Wi-Fi, mp3, скайп, 3D, iPad, pdf, нанотехнологии, жидкие кристаллы. Ментально мы находимся все еще там, на последних страницах газет, где печатают гороскопы.

Вот ты расстаешься с человеком. Расстались уже. Нет его больше в твоей жизни. А ты все еще по инерции смотришь, что ему астрологи обещают на сегодня. Понимаешь, что ерунда, а смотришь. И ничего с собой поделывать не можешь. И так продолжается, пока в твоей жизни не появится новый знак зодиака.

«А может, я и вправду не люблю ее? – думаю я, слушая прибор. – Может быть, она права? Нет, не права. Жить без нее могу, но люблю».

Последний раз я остался из-за ее халата. Все, уже собрал свои вещи, набил ими сумку, уже выхожу – и вот вижу на диване ее халат. Самого дурацкого салатного цвета. Сколько я ее знаю – он всегда с ней. Халат – неотделимая ее часть, вторая кожа. Я тогда подумал, что оставляю вот этот вот странный, психически неуравновешенный, но все же в чем-то милый мирок. И в нем сейчас будут плакать. Я быстро вытащил вещи и запихнул сумку под диван. С минуты на минуту могла прийти она, и тогда бы могло случиться что-то пострашнее кровавой росы.

Это галечный пляж. Он далеко от отеля. В диком месте. Здесь никого нет.

Одинокая рыбацкая шхуна просится на фотографию. Иногда сюда заходят странные делегаты. Вон появились два парня. Они по неосторожности не захватили с собой сланцы. Идут обнявшись по раскаленным камням, при каждом шажке нервно дергая ногами. До меня доносятся их голоса. Говорят по-немецки. Это очень красивые ребята. Гитлер бы поразился таким. Блондины. На животах кубики. В сосках кольца. Обтягивающие плавки с крокодилами-логотипами. Они устали пытаться свои ступни и решили войти в воду. Осторожно, держась

друг за друга, они познают море. Заходят сначала по щиколотку. Стоят. Потом все медленнее идут вперед. Прохладная вода все ближе и ближе подбирается к кромке плавок. Маленькая волна накрывает их выше пояса. Они радостно визжат и уточками ныряют в волны, отпуская своих крокодилов в родную стихию.

Я, оказывается, преувеличил насчет пустынности этого пляжа. Вон приближается еще одна группа. Это турки. Два парня и девушка. Они тоже пришли купаться. Смыть с себя этот бессмысленный и беспощадный жар волнами Средиземного моря. Они идут совсем по-другому. Смело, широким шагом, всем своим весом нажимая на раскаленную гальку. На парнях широкие сатиновые трусы. Их мускулов не видно. Только сухие поджарые тела. Девушка одета полностью. Она по колено заходит в море, затем ныряет прямо в хиджабе. Парни смеются и лезут на скалу. Как герои комиксов с аномальными отклонениями, они быстро карабкаются вверх. Голые ступни на уступы, подтягиваются – и вот уже пять метров преодолено. Приготовились, вытянулись, прыжок! Они с криками летят в море. Морю в общем-то все равно.

Я лежу и думаю о том, что вот, случись война... не ядерная, а обычная, и вот стали бы эти ребята солдатами. И немцы, и турки. И те и другие сильные, крепкие. Только одни стали такими в фитнес-клубах, а другие – на фруктовом складе. И вот были бы у них только ружья, фонарики и ножи. И победили бы в такой войне точно не немцы. Другое дело – ядерное оружие.

Конечно, если у тебя есть атомная бомба, ты можешь спокойно расслабиться: поить уток пивом, выдерживать вино по многу лет, прокалывать свою кожу и вставлять туда железяки, расщеплять аминокислоты, снимать порно или артхаус, устраивать бессмысленные гонки на скоростных машинах, покупать особенную одежду и искать смысл жизни.

Я считаю, недопустимо давать арабам изобретать атомную бомбу.

Хоть кто-то же должен остаться на планете нормальным.

От пляжа к кафе «Белый дельфин» ведет лестница. Ее ступеньки выбиты в скале. Терраса кафе нависает над морем, как Рождество над декабрем. Здесь я провел свои лучшие утра и вечера в этом году. Бармены ставили на репите диски «Будда бар». Морскую гладь утюжили корабли, катера и фелюги под модным турецким флагом. Что-что, а флаг у них действительно красивый. Как будто кто-то аккуратно наклеил на алое полотно аппликацию полумесяца и звезды. Ничего лишнего. Как в дизайне компании «Эппл». Здесь я подружился с удивительным парнем по имени Трумен Капоте. Прочел все его рассказы. Соглашался, спорил с ним, завидовал ему, потому что он знаком с прекрасной девушкой Холли Голайтли. Ну хорошо, пусть незнаком, пусть он ее придумал. Так тем более завидовал. Жаль, что его не было рядом. Он бы уж наверняка ответил. Своим роботоподобным голосом. И пропустил бы со мной стаканчик кефирного цвета ракии.

Зато Гюнай был жив и здоров! И это еще один друг, знакомство с которым произошло здесь, в «Белом дельфине». Друг, имя которого я пронесу теперь в своем сердце через все опущенные мне лета. Чем старше ты становишься, тем труднее тебе пускать в свою жизнь других. Говорят, в Европе подружиться с кем-либо после школы или в крайнем случае после института в принципе невозможно.

Я думаю, что к этому тоже какое-то отношение имеет наличие атомной бомбы.

Гюнай подошел ко мне, читающему «Завтрак у Тиффани», и сказал:

– Она прекрасна, мисс Голайтли, я тоже знал ее. Правда, она живет в Стамбуле и зовут ее Качина.

Я пригласил его присоединиться. Он взял стул, поставил его рядом с моим, присел и протянул руку.

– Гюнай.

– Артур.

– Отдыхаете один?

– Один.

– Ничего, найдете себе девушку. Не здесь, так дома.

– У меня дома есть девушка, Гюнай. Но она – сумасшедшая.

– Для меня это хорошие слова: сумасшедшая девушка. Вот ее тоже можно назвать сумасшедшей. – Гюнай показал ладонью на колонки. Оттуда струился голос Бьорк. – И героиню нашего с вами любимого романа тоже называли так.

– Простите, я неправильно выразился. Моя девушка не сумасшедшая. Она – шизофреник. У нее на голове есть маленькая шишечка. Врачи говорят: «Главное, чтобы она не разрасталась».

Мы замолчали. Смотрели на море. Бьорк допела одну и зашаманила новую песню. Гюнай заказал себе стаканчик ракии. Поблагодарил официанта и обратился ко мне:

– Я сейчас как никогда уверен, что любая встреча не случайна. Может быть, то, что я подошел к вам из-за книги, которую вы держите в руках, – это совпадение, но как вы объясните то, что я вам сейчас расскажу. Моей маме исполнилось тридцать лет, когда у нее обнаружили на затылке такой же нарост. Болезнь то вдруг активно проявлялась, то засыпала на несколько недель. Мне было примерно шесть лет, когда она меня впервые избила. Моему брату – четыре. Она заставляла нас ползать на коленях и вымаливать ее прощение. Лизать ей руки. Я даже не помню, в чем мы провинились. Я помню только последствия. Потом она смиловилась, обняла нас и расцеловала. Так мы и жили с тех пор. Пощечины и удары сменялись жаркими поцелуями и истерическими проявлениями любви. Отцу мы боялись говорить. Но вскоре он все увидел сам. Точнее, почувствовал. Его разбудил запах газа. Мама включила конфорки, чтобы убить нас всех. Утром она не могла объяснить, зачем это сделала. В клинике, куда ее положили на несколько дней, папе сказали, что это на всю жизнь. Что будет либо так, как сейчас: вспышки и затишья, либо еще хуже. Еще сказали, что лекарств нет. И быть не может. Опухоль – это проявление. А сама болезнь нематериальна. Еще ему рассказали, что у мамы вдруг пришел из ниоткуда страх одиночества: уйдет муж, заберет детей, она останется одна. Папу предупредили, что, если будет обострение, ее заберут в лечебницу. Ему только нужно подписать бумаги.

– Вот так вот, в один непрекрасный день тебе говорят, что с тобой не в порядке и никогда не будет в порядке. Это страшно. Ваш отец встал перед выбором, да?

– Да. При этом надо понимать, Артур, что он никогда не давал никаких поводов для того, чтобы мамина паранойя развивалась.

– Я как раз это понимаю.

– Ему пришлось выбирать. Карьера, работа – он как раз ждал повышения, мы планировали переезд в Анкару. Или мама. И ее субъективный страшный мир.

Совмещать было невозможно. Она не давала ему работать. Приходила в его офис. Падала на пол. Пыталась выброситься из окна начальника. Набросилась на девочку-секретаря, потому что та как-то особенно посмотрела на отца. Потом, в моменты просветления, она плакала, извинялась, но это было нечасто.

– Я знаю, мой знакомый как-то сказал о том, что жизнь с истеричками – прекрасный жизненный опыт. С ними все очень ярко, чувства оголены и гипертрофированы. Моя девушка в центре города может лечь на землю и кричать, а мне надо как-то выкручиваться. Но иметь опыт и прожить жизнь – это разные вещи. Как поступил ваш отец?

– Он остался с мамой.

– Христианин бы сказал: «Это мой крест. И мне его нести».

– Мусульмане говорят по-другому. Но папа сделал свой выбор. И в эту минуту кто-то затушил свечу в его глазах. Я помню это время, когда папа менялся. Я был уже достаточно взрослым. Он стал сутулиться. Перестал рассказывать анекдоты и вообще улыбаться. Тайком выпивал. Брат рассказывал мне, вернувшись с прогулки с отцом, что папа проплакал все время, пока он играл на площадке. Отец как-то враз постарел. О переезде в столицу мы уже и не

думали. И кто скажет, что он не прав? Кто знает, что случилось бы с ним и с нами в ином случае? И я горжусь им. И принимаю его.

– Этот выбор из тех, когда невозможно сказать: правильный он или нет.

– Артур, зато выбор – наше единственное оружие в вечной борьбе с будущим.

Солнце здесь скрывается моментально и стыдливо. Как будто, одумавшись, в ужасе бежит после того опустошения, которое оно произвело в этих краях за день. Мы сидели и смотрели на огоньки, зажигающиеся на кораблях. Мы слушали прибой и крики непонятно кого: то ли Бьорк, то ли чаек.

– Как ты ее зовешь, Артур?

– В смысле?

– Ну как ты зовешь ее дома?

– ...Ландышик.

– Ландышик?

– Это цветы такие. У вас они не растут. Уменьшительное от слова «ландыш».

– Значит, любишь, не сомневайся.

Перед сном я зашел в интернет-кафе, проверить почту. Компьютер мне сказал, что дома дожди, что распущен парламент и что Ландышик улетела в Афины. Это наша общая с ней знакомая процитировала: «Вот раз он уехал, то и я улечу».

У меня такое ощущение, что, живя со мной, она вела какое-то одно ей понятное соревнование. Ей хотелось, чтобы мы были равны. И счета 1:0 не в свою пользу допустить не могла. Странно. Мы были равны. Какая химическая реакция сработала в ее головном мозге, что она хотела доказать? Может быть, я решился уже тогда? А может быть, чуть позже? Как бы то ни было, в ответном письме я попросил знакомую осторожно выведать, в каком отеле в Афинах остановилась та, которую я называю весенним цветком.

Никогда не завидовал людям, которые волей-неволей оказываются посредниками в чьей-то любовной истории. Вот, скажем, ты друг семьи или пары. И вдруг один из этой пары открывает тебе тайну. Скажем, о наличии любовника. Или о том, что его партнерша любит плетть. И все. В эту секунду ты становишься лицемером. Отныне тебе приходится врать. Или делать вид, что ты не в курсе.

Уж если выбирать, я бы предпочел личным тайнам государственную. Даже рискуя быть обсыпанным с ног до головы полонием.

Где продается тот ластик, которым стирается информация в головном мозге?

Утром мы встретились там же с Гюнаем и сразу перешли на «ты».

– Она в Афинах. Это же не так далеко, я посмотрел на карту. По крайней мере один регион.

– Ты хочешь попасть к ней?

– Да. Сюрприз был бы что надо. Но виза. У меня нет шенгена.

– Отсюда до острова Родос несколько часов на корабле. Но виза действительно нужна. Ты знаешь, мы ведь с греками не очень. Ну, не мы, а наши правительства. Да ладно, это неважно. – Гюнай рассуждает вслух: – На Родос тебя, думаю, можно переправить. Оттуда в Афины – тоже. На острове живет мой старинный друг, Марко. Он все организует. Но вот как обратно? В аэропорту будут проблемы. Вопросы: как ты оказался здесь без визы? Тебе запретят въезд в Европу.

– Да?

– Да.

– Ну и хрен с ней.

– С кем?

– С Европой.

Гюнай одобрительно улыбнулся:

– Это потому что ты – русский. Завтра утром здесь, в «Дельфине», в это же время, будешь готов?

– Буду.

– Я все устрою. Выписывайся из отеля.

На следующий день, ближе к полудню, Гюнай знакомит меня с рыбаками и дает нам последние советы. Я все больше и больше убеждаюсь, что фраза «внешность обманчива» неверна. Ее придумали умные люди с лживыми глазами. Для маскировки. Внешность НЕ обманчива. Внутри мы такие же, какие и снаружи. И дело тут не в красоте. Ты можешь быть невзрачным, но с таким пронзительным взглядом. Да что я говорю, вы и так все знаете. И еще есть такая штука – зеркало. Это лучший лакмус проверки собственной красоты. Тут дело обстоит так. Вот что-то не дает тебе покоя. Ты вновь и вновь возвращаешься к какой-то ситуации. Правильно ли ты поступил? Посмотри в зеркало. Но не так, как тогда, когда бреешься, не видя. А прямо в глаза посмотри. Если тебе стало невыносимо больно и ты отвел взгляд, правда не на твоей стороне. Красивые люди – те, кто могут долго и смело смотреть в свои собственные глаза.

А Гюнай был похож на бобра. Как будто если бы бобер носил очки. И это был очень красивый бобер. В смысле глаз. Бобер – трудяга, запасливый, осторожный, учитывающий малейшие нюансы. У Гюная усталые, грустные, но очень честные глаза. Я ему поверил.

– Скажи, у вас в Турции есть бобры?

– Есть, а что?

– Так, ничего. Просто спросил.

– Понятно. Знаешь, а ты похож на сенбернара. Причем на щенка еще.

Мы дружно засмеялись и обнялись.

– Вот, кстати, тебе фляжка для замерзших альпинистов, – Гюнай достал из своего рюкзака кожаный бурдюк и протянул мне.

– Что там, матушкин бальзам? – я тут же осекся и прикусил язык.

Гюнай сделал вид, что не расслышал неловкой шутки:

– Ракия. Лучшая ракия на побережье. В Греции это называется «оуза», но там даже близко не делают такой вкуснотищи!

А вот это передай, пожалуйста, Марко, – из рюкзака он достал сверток. Помедлил и протянул мне со словами: – Артур. Это вряд ли произойдет, но если все же вас будут обыскивать пограничники. Этого они не должны увидеть. Хорошо?

– Хорошо, – я кивнул и взял его. Килограмм от силы. Спрашивать, что там, не стал. Я же говорю, что у Гюная честные глаза. Мне этого достаточно.

Не мной подмечено, что люди похожи на животных. Кошек. Бобров. Тигров. Росомех. Я вот действительно похож на большую и лохматую собаку, меня не раз сравнивали. А что, я не обижаюсь. Сенбернар – не такса. Но странно то, что люди не просто напоминают своих питомцев, а со временем становятся на них похожи. То есть происходят какие-то изменения в реальном времени. Завел, например, ты себе бульдога и сам не замечаешь, как постепенно у тебя отвисают щеки, ты становишься суровее и массивнее, все больше и больше смахиваешь на Уинстона Черчилля. В принципе эту технологию можно использовать вместо пластической хирургии. Было бы неплохо. Пластические хирурги, эта особая каста среди врачей, мгновенно превратились бы в нищих. Опять в моду вошли бы ветеринары. Как в старые добрые времена.

Я так и представляю себе сценки в приемной такого доктора.

«Вы хотите радикально похудеть и сузить бедра? Хорошо, я вам выписываю колли. Даже нет, знаете, лучше русскую борзую. Это дороже, но вам же важен результат?»

«Желаете другой разрез глаз? По-моему, у вас все в порядке. Хотите, чтобы были побольше? Ну, что ж, у вас два варианта – подцепите базедову болезнь или заведите лемура. Шучу, извините, у нас, медиков, такой уж юмор. Да, вам действительно нужен лемур. Полго-

дика у вас поживет, и глазки сами собой расширятся. Да не сомневайтесь. Можете, конечно, завести рыб-телескопов, но японцам, как видите, не очень помогает. Лемуры все же надежнее и быстрее».

«Алло, да. Да. Да, помню, я вам выписывал полярную сову. Вы же сами хотели уменьшить ушные раковины. Ну, знаете, здесь я вам не помощник. Не я же занимаюсь поставками в зоомагазины, в конце-то концов. Попробуйте заказать через Интернет. И, кстати, как там ваша дочка, подружилась с пуделем? Хорошо, держите меня в курсе».

Вот такие затейливые мысли приходят на борту рыбацкой лодки во время полного штиля. Рыбаков трое. Рафил, Менез и Мустафа. Они похожи соответственно на пеликана, гризли и богомола. Мустафа очень худ, нескладен, сутул, и над ним постоянно подшучивают ребята. Он самый молодой из моряков.

Мы идем то под парусом, когда вдруг подует редкий ветерок, то заводим мотор. Мустафа несколько раз дергает за веревку. Два коротких рывка и один протяжный. Но мы стараемся делать это не часто. Экономим горючее.

Парни не говорят на английском, но мы прекрасно понимаем друг друга. Берег уже давно скрылся из виду. Солнце, судя по всему, палит нещадно, но я этого не чувствую. Вокруг – вода. Рафил и Менез выбирают место, где можно забросить сети. Спорят, кричат друг на друга, но заметно, что совершенно без агрессии. Наконец они определяются и указывают Мустафе путь. Тот направляет лодку на компанию альбатросов, кружащих над морем в полукилометре от нас.

Куда я плыву? А главное, зачем? Какой Родос? Какой Марко? Афины? Да, она удивится, обрадуется, увидев меня в Афинах. Ради этого? У меня не много денег, и вокруг только незнакомые люди. Страшно? Нет. Прекрасно! Что-то клокочет внутри, подсказывая, что все правильно. Эйфория. Я знаю, что правильный ответ нам приходит в самые первые секунды. Это уже потом включается опыт. Вот и дельфин показал свою спину как бы в знак одобрения. А вот и еще один!

Они еще немного сопровождают нас, играясь, а потом уплывают по своим дельфиньим делам, послав нам на прощание ультразвукотелеграмму: «Удачи!»

Рыбаки забрасывают сети, я помогаю им. Работа непривычная, но я счастлив. Я определенно счастлив. Я понимаю, что все вопросы: «К чему? Зачем?» – не важны. И конечная цель не важна, будь то Афины или свадьба. Важен сам процесс, эта самая секунда.

Мустафа достает из-под скамейки большую картонную коробку. Там ланчбоксы. В них эти странные восточные блюда. Творог в ломтике обжаренного баклажана. Все-таки мы разные. Вот, допустим, у себя дома в холодильнике я обнаруживаю творог и баклажан. Пришло бы мне в голову жарить этот овощ и аккуратно делать из него трубочки, а потом запихивать туда творог с перцем? Нет. Но как же это вкусно! Я предлагаю парням ракию из Гюнаева бурдюка. Они отказываются. Рамадан? Интересно, когда он у них? Предлагаю себе. Меня уговаривать не надо, я сразу соглашаюсь.

Пообедав, я пересаживаюсь к ним спиной и копаюсь в рюкзаке. Мне все-таки очень интересно проверить, что там Гюнай передает своему греческому другу. И что так не надо показывать пограничникам. Черный полиэтиленовый пакет. В нем еще один. И еще один. Так я и знал, блин! Порошок. Бело-серого цвета. Кристаллики играют на солнце. Кокаин?

– Юр, проблем? – спрашивает сзади Рафил.

– Ноу, ноу, итс о'кей, – отвечаю не оборачиваясь.

Но кокаин ведь белый-белый. А откуда я это знаю? По фильмам.

Может быть, смесь какая-то? Надо попробовать на язык. А что это значит? Когда полицейские в кино пробуют наркотик на вкус и потом одобрительно цокают языком, это значит, что они его пробовали раньше. А я-то не пробовал. Как я узнаю? Я осторожно отковыриваю скотч, чтобы потом можно было заклеить назад. Смачиваю палец слюной и запускаю его в пакет. Все делаю, как в кино. Вмазываю крупницы в десны. Щепотку десантирую под язык. На

вкус? Ну, наверное, такой у стирального порошка. Хотя до сих я его никогда не пробовал, как и кокаин, впрочем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.